

УДК 94(571.151-25 +571.5) “1910/1920”: 314.7

М.В. Белозерова**ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ В 1910–1920-е гг.**

Один из этапов хозяйственного освоения территории Южной Сибири связан с переселенческой политикой и землеустройством коренного населения в 1910–1920-е гг. В этот период менялась этническая структура, трансформировалась традиционная система жизнеобеспечения, проходила модернизация экономики, ориентированной на развитие кооперативных форм сельского хозяйства и индустриализацию.

Ключевые слова: переселение, хозяйственное освоение, Сибирь.

Один из этапов хозяйственного освоения территории Южной Сибири связан с переселенческой политикой и землеустройством коренного населения в 1910–1920-е гг. В дореволюционный период эти процессы были вызваны необходимостью смягчить назревшие противоречия в аграрной сфере и в дальнейшем революционными событиями 1905–1907 гг. Начало плановой колонизации Горного Алтая относилось ко второй трети XIX в.: в 1873 г. было намечено к заселению 26 пунктов по Чуйскому и Уймонскому трактам, а в 1879 г. разработаны правила заселения «стойбищ инородцев» русским населением [1. С. 118, 119]. Согласно закону 1899 г. землеустройству подвергались и русские, и инородческие поселения. Алтайцы, отнесенные к «кочевым инородцам», должны были получать надел в 18 десятин на душу населения, наравне с русскими. В результате планировалось «освободить» более 6 млн десятин земли для сдачи Кабинетом в аренду.

Этот закон обострил социальные отношения и усилил противодействие ему со стороны алтайцев и особенно зайсанско-байской верхушки. Протесты алтайцев, поддержка со стороны областников, а затем и Томского губернского управления приостановили действие этого закона (Правила 1904 г.). Но уже в 1906 г. был издан Указ о передаче всех «свободных и могущих быть свободными земель Алтайского округа» в казну для переселенческого фонда. И, наконец, в 1911–1913 гг. у алтайцев было произведено землеустройство. В ходе его, по данным Л.П. Потапова, лучшие и наиболее обширные пастбища были заняты баями и зайсанами и русскими скупщиками, был ликвидирован такой институт местного национального самоуправления, как «зайсанат», а вместо него вводилось волостное управление [1. С. 119, 122, 125].

В Хакасии в ходе землеустройства хакасы приравнивались в землепользовании к русским крестьянам с наделом в 15 десятин на душу мужского пола. При этом допускалось некоторое увеличение размеров земельного надела для улусов Абаканского ведомства и районов со скотоводческим характером хозяйств – северо-западной части Аскизского ведомства (Сырская, Синявинская, Уйбатская, Больше-Уленская группы улусов) и части Кызылского ведомства. В отношении ряда районов установленные нормы наделов не выдерживались. Так, по данным М.В. Шейнфельда, в Абаканском ведомстве из пользования хакасов было изъято до 37,3% удобных земель; в Аскиз-

ском ведомстве, кроме вышеуказанных групп хакасских улусов, земельный надел составлял всего в пределах 10,9–14,1 десятины. В ходе землеустройства ряд хакасских улусов потерял наиболее удобные для сенокосения и выгонов земли, а также часть распаханных земель, скотоводческий профиль хакасских хозяйств в некоторых случаях не учитывался, и он не имел определяющего значения [2. С. 106, 107]. На отрезанных у хакасов землях формировался фонд для переселенцев и запасной земельный фонд.

Однако вплоть до конца XIX – начала XX в. не все земли южно-сибирского региона были привлекательны для русских переселенцев. Это было связано с их географическим положением и климатическими условиями. К таким, например, относился район Горной Шории с ее горнотазовыми ландшафтами, не пригодными для развития земледелия и животноводства, которые были основой хозяйства русских переселенцев. Еще в 1906 г. здесь не насчитывалось и десяти русских деревень [3. С. 224]. Переселение в Горную Шорию началось с 1910 г. после издания Высочайшего Указа (1906 г.) о передаче на арендных условиях «...всех свободных и могущих быть свободными земель Алтайского горного округа в казну для переселенческого фонда...» по долинам р. Кондома в район Кондомской и Кузедеевской волостей. Процесс землеустройства должен был быть завершен в течение 1913 г., однако отдельные работы проводились и в 1914 г. [4. С. 166; 5. С. 128].

В целом процесс землеустройства в дореволюционный период проводился не в интересах коренного населения [2. С. 108; 5; 6. С. 25]. Максимальный выигрыш при этом получали имущие слои населения, крупные и средние собственники стад, табунов, отар. При отсутствии права частного землевладения *de jure* (земли были выделены общинам), *de facto* на территории Хакасии и Горного Алтая приоритетное право пользования наиболее продуктивными пастбищами традиционно сохранялось за социальной верхушкой. В Горной Шории выселение шорцев, изъятие угодий, введение пошлины на промыслы ограничивали возможности развития традиционной системы жизнеобеспечения коренного населения. В ходе землеустройства повсеместно автохтонное население переводилось в разряд «оседлого населения».

В 1920-е гг. процесс переселения населения из центральных и западных районов России возобновился, что было связано с последствиями мировой и гражданской войн, разрухой и голодом. Массовый характер переселенческое движение стало приобретать после выхода постановления ВЦИК от 25 июля 1921 г., которым было разрешено свободное переселение из районов, пораженных голодом. Первоначально оно было стихийным, т.е. население не дожидалось открытия переселения и осуществляло его самовольно. «Планирование переселения» относится к середине 1920-х гг., когда сотрудниками Государственного научно-исследовательского колонизационного института (основан в 1922 г., с 1925 г. – Институт землеустройства и переселения) были исследованы возможности открытия планового переселения. Результатом стало постановление Совета Труда и Обороне от 17 октября 1924 г. «О ближайших задачах колонизации и переселения», в котором были сформулированы основные положения и главные задачи. Помимо землеустройства ко-

ренного и пришлого населения, в нем предусматривалось хозяйственное освоение новых участков земли «с целью увеличения сельскохозяйственной и промышленной продукции» [7. С. 66–67]. Последний фактор наиболее актуален был для Кузнецкого округа и Хакасии, где предполагалось развитие угольной и металлургической промышленности, лесозаготовительных работ. Не менее важным было сельскохозяйственное развитие регионов.

В каждом из национальных регионов Южной Сибири определялись районы для переселения и землеустройства коренного населения и переселенцев. Так, в Ойротии для работ был определен район Чуйского тракта [8. Л. 62об., 64]. В Горной Шории для переселения и землеустройства в 1920-е гг. – два района: Кондомский (район строящегося Тельбесского железодельного завода) и Мрасский, расположенные в южной части Шории. Территорию этих районов заселяли в основном шорцы, в хозяйстве которых большое место занимали охота и кедровый промысел. В Хакасии в первую очередь планировалось работы по землеустройству проводить в хакасских улусах, для которых, по мнению партийного руководства округа, было характерно малоземелье, затем – в русских селениях.

Землеустроительные работы в районах Южной Сибири, намеченных для переселения, должны были закончиться к 1935 г. в Горном Алтае и Горной Шории и к началу 1930-х гг. – в Хакасии. В первых двух работы осуществлялись Томской колонизационно-переселенческой партией. В Хакасии для землеустройства было образовано 8 агрономических пунктов, каждый из которых охватывал площадь радиусом 100–150 верст. Эта работа проводилась уездным объединенным агропунктом, состоящим из 4 агрономов [9. Л. 78]. Характер работ был идентичен для всех регионов. Он заключался в обследовании переселенческих участков прежних владельцев, переформировании участков, отграничении земельных излишков, топографической съемке, в разработке рекомендаций по хозяйственной специализации районов [10. Л. 5об.–5].

В целом все намеченные планы были выполнены. Основным результатом стало вовлечение в хозяйственный оборот новых, необжитых ранее территорий. Так, в Ойротской автономной области было обследовано до 500 тыс. га земель (от с. Черга на юг и юго-восток вдоль рек Сема, Песчаная, Катунь и ее притоков, Сумульта и др. в пределах Шебалинского, Онгудайского, Уймонского аймаков). Выявлен земельный фонд (до 150 тыс. га), пригодный для колонизации и выделения 15 тыс. наделов. То есть в среднем на 1 надел должно было приходиться до 10 га земель [8. Л. 5об., 70об., 71, 118]. В Горной Шории был выявлен фонд для заселения площадью примерно в 390,0 тыс. га, учитывая, что этот регион еще в конце 1920-х гг. был мало заселен, и в хозяйственном отношении практически не использовался: например, Кондомский район был заселен лишь на 40–50%, из-за горного характера местности освоение земель шло не далее 1–1,5 км от поселков, и здесь насчитывалось всего 78 хозяйств [11. С. 119; 12. С. 203].

На выявленном колонизационном фонде необходимо было гарантировать минимальные условия для начального этапа ведения хозяйства переселенцами. Прежде всего необходимо было сформировать и предоставить

3 десятины земли, пригодной для ведения хозяйства, в частности для ведения полеводства. Если земли было меньше этой нормы, то недостающее количество надо было подготовить за счет расчистки территории от леса или за счет осушения заболоченных мест. Кроме этого, необходимо было проложить дорожные коммуникации, организовать источники водоснабжения [8. Л. 6]. Однако в силу недостатка отпускаемого финансирования на подготовку переселенческого фонда эти требования не выполнялись в полной мере, и в ряде случаев участки передавались переселенцам неподготовленными. Здесь следует учитывать и то обстоятельство, что в Сибири до 75% территории было покрыто лесом и существовала проблема лесорасчисток. Поэтому каждое хозяйство должно было провести раскорчевку участков, равных примерно 1,5-3 га [13. С. 19–20; 14. Л. 36].

Первоначально наряду с отводом земель коммунальным производителям выдел отрубных и хуторских участков [15. Л. 68, 69], т.е. сохранялось индивидуальное землепользование. Но последнее было мизерным. Так, в Горном Алтае, по данным Н.В. Екеева, под отруба и хутора выделено к 1927 г. не более 0,2% [16. С. 35, 36]. Более успешно этот процесс проходил в Хакасии, где к 1930 г. площадь крестьянского землепользования (т.е. земельных наделов) составила около 69,1% от всей освоенной территории [17. Л. 37].

В ходе землеустройства решалась и другая задача: определялась хозяйственная специализация регионов. Как правило, внедрялись полеводство, огородничество и животноводство, нетрадиционные для коренных народов Южной Сибири. Этот процесс сопровождался переводом на оседлость и переводом хозяйств скотоводов (алтайцы, хакасы) и охотников и собирателей (шорцы, частично алтайцы, хакасы) в крупное многоотраслевое хозяйство, т.е. с дальнейшей организацией совхозного и колхозного производства. Это являлось коренной ломкой имевшихся форм и практики традиционного землепользования. В дальнейшем, в период развернувшейся коллективизации, значительная часть земельных угодий перешла в социалистический сектор.

В соответствии с указанными установками работникам землеустроительных учреждений на первом этапе рекомендовалось проводить агитационную работу по развитию новых, кооперативных, форм хозяйства. Для этого оказывалась практическая помощь в работе по кооперированию как переселенцев, так и коренного населения: содействие в организации «низовой» сети трудовых артелей и коммун, разработка рекомендаций по организации кустарных промыслов, проведение «показательных мероприятий» по производству какого-либо преобладающего в данном районе вида продукции (например, выгонка пихтового масла, смолы, бондарного дела, изготовление валенок и т.п.). Организуемые кооперативы снабжались семенами и машинами в кредит [18. Л. 112, 139–139об.; 19. С. 221–222].

Во второй половине 1920-х гг. в первоначальные планы сельскохозяйственной специализации в ряде национальных регионов (например, Горная Шория, Хакасия) были внесены коррективы в связи с предполагаемой индустриализацией и дальнейшим промышленным развитием. В этом случае шло повторное переформирование земельных участков и учитывался отвод земель под промышленные предприятия и меняющуюся систему расселения.

Подводя итоги, следует отметить, что переселенческая политика и сопутствующее ей землеустройство в дореволюционный период и в 1920-е гг. имели сходные и отличительные черты. Сходство проявилось в практике отчуждения этнической территории, организации государственного лесного фонда, нарушении системы традиционных поземельных связей на родовой основе, в усилении миграционных процессов, а также в том, что нормы наделов не учитывали экстенсивных форм хозяйства. Отличие выразилось прежде всего в целях землеустройства. До 1917 г. оно было направлено на формирование собственника. В 1920-е гг. основной целью была ликвидация частной собственности, установление «уравнительного землепользования» и как результат проведение «межселенного» и «внутриселенного» (вариант «внутриулусного») межевания в пользу беднейших слоев населения вне зависимости от этнической принадлежности.

В ходе миграций 1910–1920-х гг. менялась этническая структура населения в национальных районах Южной Сибири, государственные органы решали задачу изменения выбора экономически оптимальных форм его социальной организации. Происходил отказ (особенно после 1917 г.) от государственной поддержки традиционных форм регуляции земельных отношений в среде коренного населения крупными собственниками и последовательная ликвидация института частной собственности в национальных районах. Это объективно способствовало трансформации традиционной системы жизнеобеспечения и распаду территориальных общин автохтонного населения, приводило к модернизации экономики, ориентированной на развитие кооперативных форм сельского хозяйства и индустриализацию.

Литература

1. *Потанов Л.П.* Очерк истории Ойротии. Новосибирск, 1948.
2. *Шейнфельд М.В.* Землеустройство и введение волостных учреждений у хакасов в 1908–1914 гг. // Вопросы истории Хакасии. Абакан, 1977.
3. *Потанов Л.П.* Очерки по истории Шории. М.; Л., 1936.
4. *Садовой А.Н.* Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – начало XX вв.). Кемерово, 1992.
5. *Садовой А.Н.* Землеустройство и принципы национальной политики (Горная Шория. XIX – 30-е годы XX в.) // Из истории юга Западной Сибири. Кемерово, 1993.
6. *Северьянов М.Д., Шекиев А.П.* Земельный вопрос в Хакасии и его регулирование советской властью (1917 – конец 20-х годов) // Из истории Советской Хакасии. Абакан, 1986.
7. *Платунов Н.И.* Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск, 1976.
8. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 9.
9. Центральный Государственный архив Республики Хакасия (ЦГАРХ). Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 3 «А».
10. ГАКО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 93.
11. *Белозерова М.В.* Шорцы: жизнь и реформы (20–60-е гг. XX в.). Опыт интеграции в социалистическое общество. Кемерово, 2004.
12. *Белозерова М.В.* К истории переселенческой политики в Горной Шории // Разыскания. Кемерово, 2004.
13. *Рубинский В.И.* Переселение в Сибири и на Дальнем Востоке // Северная Азия. 1928. Кн. 1.
14. ГАКО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 76.
15. *Архив документов новейшей истории Республики Алтай (АДНИ РА).* Ф. 1. Оп. 1. Д. 176.

16. Екеев Н.В. Социально-экономическое развитие деревни Горного Алтая в 1920-х годах. Горно-Алтайск, 1988.
17. ЦГАРХ. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 82.
18. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 6.
19. Белозёрова М.В. Экономические аспекты деятельности Томской колонизационно-переселенческой партии (1920–1930-е гг.) // Экономическая история Сибири XX века. Барнаул, 2006. Ч. 2.